

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОПРИАЛЬНОЙ
ИНТЕРТЕКСТУАЛИЗАЦИИ
В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ON SOME ASPECTS OF PROPRIAL INTERTEXTUALISATION
IN THE LIGHT OF RECENT RESEARCH

BOŻENA HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH

ABSTRACT. A new perspective in research on proper names has appeared recently. A proper name is now treated as a text unit. The article discusses intertextual relations between different classes of onyms and some extralinguistic aspects of proprial intertextualisation.

Bożena Hryniewicz-Adamskich, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Poznań – Polska, bhrynk@amu.edu.pl

1. Переопределение понятия *текст*

Исчерпанность структуралистской парадигмы в лингвистике ознаменовала переход к изучению языка в актах речи и в процессе общественной коммуникации, а также в широком контексте культурной антропологии. В постструктуралистических научных трудах коренному пересмотру подверглись многие понятия, в том числе понятие *текст*. Под сомнение были поставлены прежние формальные предпосылки деления сообщений на тексты и не-тексты¹. Понятие *текст* стало применяться в широком значении, охватывая и образцы устной речи. В „постграмматических” разработках текст воспринимается как законченная и упорядоченная последовательность языковых элементов, способных совместно выполнять коммуникативную функцию, и в связи с этим представляющая собой один макрознак². Размер высказывания и его соотносительность со структурой предложения больше не являются

¹ Традиционно понятие *текст* употреблялось в значении произведения, существующего в форме осмысленной последовательности слов или предложений, информационного и структурного целого. Так как текст относился к системе языка, изучению подвергалась в основном его грамматическая сторона.

² T. Dobrzyńska, *Tekst – całościowy komunikat*, [в:] *Encyklopedia kultury XX wieku. Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Wrocław 1993, с. 287.

основными критериями определения сущности текста. Кроме того, в качестве основополагающего текстового признака выдвигается жанровая принадлежность³: каждый текст должен соотноситься с определенным жанром, т. е. иметь черты не только индивидуальные, но также категориальные и стереотипные, и именно это свойство отличает текст от предложения⁴.

2. Имя собственное как текст

В ономастических трудах последних лет заново ставится вопрос о языковом статусе онимов. Знаковая природа и целостный характер имени собственного не подлежат сомнению. Отдельные языковые элементы, в сопокупности образующие проприальный знак, суммированию не подвергаются, всего лишь интегрированию⁵. Грамматическая правильность слов или предложений, составляющих имя собственное, не имеет первостепенного значения. Имена собственные характеризуются заметным разнообразием форм, напр.: Ю (приток р. Вычегда); К2 (Чогори); Волга; Александр Сергеевич Пушкин; Российская национальная библиотека имени Михаила Е. Салтыкова-Щедрина; Дважды Краснознаменный Академический Ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова; Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди. Естественно, онимы представляют собой одни из наиболее сжатых в формальном смысле информационных структур⁶. Тем не менее они способны выполнять коммуникативные функции. Названные особенности позволяют отнести имена собственные к текстам (возможно, менее типичным). Стоит при этом подчеркнуть, что успешная попытка выявления жанровой принадлежности онимических текстов была предпринята М. Руткевич-Ханчевской⁷. Имена собственные соответствуют прагмалингвистической дефиниции текста, и поэтому становятся объектом текстологических исследований.

³ Анализу жанров речи посвящены работы: М.М. Б а х т и н, *Проблема речевых жанров*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, т. 5: *Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Москва 1997, с. 159–206; A. W i e r z b i c k a, *Genry mowy*, [в:] *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska, E. Janus, Wrocław 1983, с. 125–137; B. W i t o s z, *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*, Katowice 2005.

⁴ J. B a r t m i ń s k i, *Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej*, [в:] *Tekst. Problemy teoretyczne*, red. J. Bartmiński, B. Boniecka, Lublin 1998, с. 13–17.

⁵ B. W i t o s z, указ. соч., с. 100; M. R u t k i e w i c z - H a n c z e w s k a, *Genologia onimiczna. Nazwa własna w płaszczyźnie motywacyjno-komunikacyjnej*, Poznań 2013, с. 64.

⁶ M. R u t k i e w i c z - H a n c z e w s k a, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 63.

⁷ Там же, с. 129–160.

3. Интертекстуальность — „текст в тексте“

Некоторыми лингвистами интертекстуальность выдвигается в качестве текстового критерия (наряду с когезией, когерентностью, интенциональностью, воспринимаемостью, информативностью и ситуативностью)⁸. Напомним, что самое первое определение понятия интертекстуальности принадлежит Ю. Кристевой⁹. Интертекстуальность понимается ею как свойство любого текста вступать в диалог с другим текстом. Каждый текст оказывается включенным во всю систему более ранних текстов, а также текстов, создаваемых параллельно с ним. По словам Р. Барта, „Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат“¹⁰. Согласно Ж. Женетту, каждое новое высказывание пишется поверх предыдущих. Таким образом, текст превращается в „палимпсест“, „текст второй степени“¹¹. При этом первичный, референтный текст, старший в эволюционном плане, называется гипотекстом, а созданный на его основе вторичный текст — гипертекстом. По определению Н.А. Кузьминой, „интертекст — это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени“¹². Согласно М. Руткевич-Ханчевской, интертекст носит абстрактный характер и обозначает „текст, находящийся между другими текстами, [...] текст, присутствующий непосредственно или посредственно в другом тексте“¹³. В свою очередь, под понятием интертекстуализации исследователи подразумевают процесс создания нового текста с опорой на предшествующий текст. По справедливому замечанию Н.А. Фатеевой, межтекстовые отношения и связывающие их элементы чрезвычайно разнообразны по своей природе и проявлению. В интертекстуальных преобразованиях „обнаруживаются и признаки метафоры, и метонимии, в частности, синекдохи, а в определенных контекстах гиперболы и иронии“¹⁴.

⁸ R.-A. de Beaugrande, W.U. Dressler, *Wstęp do lingwistyki tekstu*, Warszawa 1990, с. 30–31, 239–271.

⁹ J. Kristeva, *Sémiotiké. Recherches pour une sémanalyse*, Paris 1969, с. 146.

¹⁰ Р. Барт, *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Москва 1989, с. 418.

¹¹ G. Genette, *Palimpsesty. Literatura drugiego stopnia*, Gdańsk 2014, с. 11 и др.

¹² Н.А. Кузьмина, *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург–Омск 1999, с. 20.

¹³ M. Rutkiewicz-Hanczewska, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 130. Перевод с польского языка — Б. Хрынкевич-Адамских.

¹⁴ Н.А. Фатеева, *Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности*, Москва 2007, с. 50.

4. Проприальная интертекстуальность — „оним в ониме”

В литературоведческих исследованиях проприальная интертекстуальность обычно рассматривается сквозь призму межтекстовых связей, устанавливаемых с помощью имен собственных.

Согласно В.А. Кухаренко, имя собственное цитируемого автора или его героя „выступает предельно информативно насыщенной единицей, ибо, означивая объект, включает весь запас знаний говорящего о нем”¹⁵. По мнению Н.Д. Арутюновой, упоминаемые в текстах „литературные” имена собственные выполняют функцию „ксенопоказателей цитации”¹⁶. В свою очередь, Н.А. Кузьмина утверждает, что имена известных литературных персонажей типа *Маргарита*, *Гамлет* и *Офелия*, *Ромео* и *Джюльетта*, *Онегин* могут выступать как „точечные цитаты”. Следуя синергетической теории интертекста, Н.А. Кузьмина подразумевает под понятием цитаты „перенос энергии из одной точки интертекста в другую”¹⁷. Использование „чужих” имен и фамилий является емким способом для создания образных параллелей между текстами и для обобщения текстов¹⁸. Здесь немаловажную роль играет читатель и его энергия, т. е. знание им литературного наследия, его эрудиция.

Упомянутая исследовательница замечает, что в качестве интертекстуальных шифтеров используются также топонимы. Иногда они относятся к географическим объектам, непосредственно связанным с цитируемым автором (*Михайловское* — А.С. Пушкин, *Ясная Поляна* — Л. Толстой, *Переделкино* — Б. Пастернак)¹⁹.

В функции ксенопоказателей иного пространства нередко выступают также названия мест, обладающих определенной символикой, напр.: *Нью-Йорк*, *Париж*, *Рим*, *Венеция*, *Фермопилы*, *Царское Село*, *Ченстохова*.

Средством установления взаимодействия текстов бывает повтор заглавия, напр.: *Доктор Фаустус* Т. Манна, *Электра* И.Ж. Жироду, *Улисс* Дж. Джойса, *Леди Макбет Мценского уезда* Н.С. Лескова, *Степной король Лир* И.С. Тургенева, *Антигона* И.А. Бунина. В данных случаях заглавия-цитаты выполняют функцию интертекстуальных указателей.

¹⁵ В.А. Кухаренко, *Интерпретация текста*, Москва 1988, с. 102.

¹⁶ Н.Д. Арутюнова, *Речеведческие акты в зеркале чужой речи*, [в:] *Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис*, отв. ред. Т.В. Булыгина, Москва 1992, с. 42.

¹⁷ Н.А. Кузьмина, *Интертекст и его роль...*, указ. соч., с. 135.

¹⁸ А.А. Кожин, „Чужое” имя и „чужой” персонаж в литературе второй половины XIX века, „Русская речь” 2014, № 4, с. 14–24.

¹⁹ Многочисленные примеры мест и объектов, наделенных такой символикой, описаны в работе: W. Czapińska, *Magiczne miejsca literackiej Europy*, Warszawa 2002.

Большинство работ по интертекстуальности имеют чисто литературоведческую направленность. Тем не менее многими авторами выдвигается мысль о том, что интертекстуальность нельзя рассматривать исключительно как литературное явление. Она характерна и для нелитературных текстов — научных, публицистических, рекламных и др.²⁰, а также для искусства кино²¹.

В настоящей статье мы хотим предложить лингвистический подход к проблематике проприальной интертекстуальности и сосредоточить внимание на онимах „второй степени”, т. е. языковых единицах, до сих пор называемых отпроприальными именами собственными (перенесенными, повторяющимися, соотносительными, вторичными).

Здесь мы ограничимся анализом группы избранных топонимов, главным образом ойконимов²². Их общей чертой является наличие компонентов, засвидетельствованных в ранее существовавших названиях. Ниже представлена традиционная классификация интертекстуальных ойконимов по различительному члену²³:

1. Названия с прилагательным *малый, меньшей*, напр.: *Зады* → **Малые Зады**, *Наволоч Большой* → *Наволоч Меньшей*, *Колчь Большая* → *Колчь Меньшая*, *Поповское Большое* → *Поповское Малое*.

2. Названия с прилагательным *новый*, напр.: *Городенеск* → **Новый Городенеск**, *Есенок* → **Новый Есенок**, *Старая Яковлева* → **Новая Яковлева**, *Бутурлино Старое* → *Бутурлино Новое*.

3. Названия с топографическим прилагательным типа *верхний, вышний*, напр.: *Нижней Крутец* → **Верхней Крутец**, *Нижние Мокрища* → **Вышние Мокрища**, *Староселово Нижнее* → *Староселово Верхнее*.

4. Названия с нетопографическим прилагательным типа *сухой, мокрый, задний, середний*, напр.: *Микуличи* → **Сухие Микуличи** и **Мокрые Микуличи**, *Подолье* → **Заднее Подолье**, *Водосы* → **Средние Водосы**.

5. Названия с притяжательным прилагательным, напр.: *Каменка Старое* → *Каменка Новое* → *Каменка Павлово*.

²⁰ В.Е. Чернявская, *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*, Санкт-Петербург 1999; Е.А. Баженова, *Научный текст в аспекте политекстуальности*, Пермь 2001; Н.А. Кузьмина, *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*, Омск 2011.

²¹ М.Б. Ямпольский, *Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф*, Москва 1993.

²² Ономастический материал, иллюстрирующий нижеследующие выводы, подчерпнут нами из публикации: J. Sosnowski, *Toponimia rosyjska XVI wieku. Nazwy wsi*, Łódź 2002.

²³ Данное деление опирается на классификацию польских топонимов, произведенную Зофией Цирхоффер в работе: Z. Zierrhoferowa, *Nazwy typu „Osiek Mały”, „Kozminek” i inne derywowane od nazw miejscowych. Na przykładzie materiału dawnego województwa kaliskiego*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1989.

6. Суффиксальные названия (одно- и многословные) с разными формантами, напр.: -к-: *Пелеш* → *Пелешок*, *Большой Бор* → *Борок Малой*; -ц-: *Гарь* → *Гарца*, *Находно* → *Находенцо Малое*.

7. Названия с различительным членом в форме имени существительного, напр.: *Хрестец* → *Хрестецкой Заполок*, *Дронино* → *Дронинской Заполок*, *Васильевское* → *Васильевская выставка*.

Как видно, названия населенных пунктов, расположенных на не-большом расстоянии друг от друга, образуют своеобразные микросети. Из приведенного исторического материала следует, что, по крайней мере в славянских языках, интертекстуализация составляла (и продолжает составлять) один из активных способов производства новых онимических единиц²⁴. Поэтому явление интертекстуальности не следует связывать исключительно с постмодернистическим периодом.

При прагмалингвистическом подходе в интертекстуальном онимическом материале обнаруживаются две основные модели отношений гипотекст — гипертекст: концентрическая и эксцентрическая²⁵.

Согласно Б.А. Успенскому, первая из них активизировалась в топонимии в условиях естественной культурной экспансии²⁶. Названия, представляющие концентрическую модель, отражают действие центробежных сил, связанных с отождествлением периферийной территории с историческим или культурным (культовым) центром. Данная модель основывается на метонимическом принципе. Метонимические отношения связывают, к примеру, такие названия, как *Русь* и *Великая Русь* (соответственно — *Русь* и *Малая Русь*). Первичное, более древнее название *Русь* инкорпорирует более поздние названия *Великая Русь* и *Малая Русь* (как общее и частные понятия). И название *Великая Русь*, и название *Малая Русь* могут быть заменены названием *Русь*. Таким же образом название *France* с домена *Île de France*, ставшего впоследствии центром страны, перешло и на смежные территории.

В свою очередь, суть эксцентрической модели заключается в генерировании на базе одного гипотекста нескольких гипертекстов, обычно имеющих одинаковую форму²⁷. В данном случае гипертексты создаются в результате уподобления, напр.:

²⁴ Я. Ригер обратил также внимание на повторяемость словообразовательных моделей русских топонимов в диахроническом плане, см. J. R i e g e r, „Nowe” i „stare” w rosyjskich nazwach miejscowości po Rewolucji Październikowej, „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Językoznawstwo” 1991, vol. XIII, с. 267–270.

²⁵ Б.А. Успенский, *Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России)*, [в:] его же, *Историко-филологические очерки*, Москва 2004, с. 11; М. R u t k i e w i c z - H a n c z e w s k a, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 133–135.

²⁶ Б.А. Успенский, указ. соч., с. 12–15.

²⁷ М. R u t k i e w i c z - H a n c z e w s k a, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 134.

Сиракузы (Сицилия) → *Сиракузы* (Syracuse, США),
Санкт-Петербург (Россия) → *Сент-Питерсберг* (St. Petersburg, США),
Варшава (Польша) → *Варшава* (Warsaw, США)²⁸.

По мнению Б.А. Успенского, эксцентрическая модель реализуется также в случае интертекстуальных ойконимов и топонимов со словом *новый* в функции различительного компонента, напр.:

Амстердам (Нидерланды) → *Новый Амстердам* (Nieuw Amsterdam, США),
Орлеан (Франция) → *Новый Орлеан* (New Orleans, США),
Шотландия (Великобритания) → *Новая Шотландия* (Nova Scotia, Канада),
Глазго (Великобритания) → *Новый Глазго* (New Glasgow, Канада),
Джерси (Великобритания) → *Новый Джерси* (New Jersey, США),
Гэмпшир (Великобритания) → *Новый Гэмпшир* (New Hampshire, США),
Уэльс (Великобритания) → *Новый Южный Уэльс* (New South Wales, Австралия)²⁹.

Как кажется, здесь обнаруживается действие центростремительных сил. Новое название представляет собой метафору исходного онима. Образование метафорических топонимов обычно сопутствует искусственным процессам культурной ориентации.

Стоит подчеркнуть, что производство интертекстуальных названий по эксцентрической модели является также одним из имятворческих способов, наиболее часто используемых современными номинаторами, напр.:

НЕВА (река)

- Кинотеатр „**Нева**”
- ООО „Журнал «**Нева**»”
- Холдинг безопасности „**Нева**”
- Медицинская компания „**Нева**”
- Кондитерская фабрика „**Нева**”
- Транспортная компания ООО ТЭК „**Нева** Центр”
- Ресторан „**Нева**” (Пермь)
- Санкт-Петербургский гандбольный клуб „**Нева**”
- ЗАО „Телевизионная кабельная сеть «**Нева**»”
- Яхт-клуб „**Нева**”
- ЗАО „**Нева**-Металл” (стивидорная компания)
- ООО **Нева** Технолоджи
- Автоцентр „**Нева**”

²⁸ Б.А. Успенский, указ. соч., с. 11-12.

²⁹ Там же, с. 11, 15.

5. Диалогичность имен собственных

В XX столетии образование интертекстуальных названий стало очень частой практикой. Интертекстуализация является относительно несложным способом производства онимов. Один онимический знак может быть многократно использован в разных функциях, и благодаря этому возможным становится установление дискурса между отдельными онимическими пространствами³⁰.

Многоплановый характер проприальной интертекстуализации можно проследить на примере сакральной онимии³¹. Первичный гипотекст (агиоантропоним, иконим, теоним, зортономим) неоднократно служит источником многих гипертекстов (экклезионимов, топонимов, ойконимов, урбанонимов, хрематонимов), ср.:

Знамение Пресвятой Богородицы
 → церковь *Знамения* Божией Матери → *Знаменка* (улица) → *Большой Знаменский переулок* и *Малый Знаменский переулок* (Москва)
 → *Знаменская церковь* → *Знаменская площадь* → *Знаменская улица* (Санкт-Петербург)
 → церковь иконы Божией Матери „*Знамение*“ → пгт. *Знаменка* → *Знаменский р-н*
 → *Знаменский поссовет* → *Знаменская центральная районная больница* (Тамбовская обл.)
 ...

Интересно заметить, что иногда храм уже не существует, а сакральный интертекст продолжает воспроизводиться в названии местности или прилегающей к церкви площади, улицы. Очередные гипертексты, мотивированные определенным сакральным интертекстом, — это, как правило, хрематонимы (т. е. названия государственных учреждений, учебных заведений, фирм и т. д.), см.:

Борис и Глеб → церковь *Бориса и Глеба* → *Борисоглебск*
 → „*Борисоглебский листок*“ (газета)
 → *Борисоглебский муниципальный драматический театр имени Н.Г. Чернышевского*
 → *Борисоглебский государственный педагогический институт*
 → *Борисоглебский медицинский колледж*
 → *Борисоглебский техникум информатики и вычислительной техники*
 → ЗАО „*Борисоглебские системы связи*“
 → ООО „*Борисоглебский мясоконсервный комбинат*“
 → ООО „*Борисоглебский маслоэкстракционный завод*“

³⁰ M. Rutkiewicz - Hanczewska, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 133.

³¹ В качестве примеров нами приводятся названия культовых сооружений, упраздненных советской властью. Здесь воссоздаются исчезнувшие образы прошлого и реконструируются фрагменты разрушенного сакрального интертекста.

- *Борисоглебский авиаремонтный завод*
- *Борисоглебский ордена Трудового Красного Знамени завод химического машиностроения*
- *Автосалон „Борисоглебск-АВТО“.*

В городском пространстве в результате проприальной интертекстуализации возникают целые ряды и цепочки онимов. В процессе восприятия интертекстуальных онимов возможно „переключение из одной системы семиотического осознания этих текстов в другую“³². Суть проприальной интертекстуальности заключается во внутриязыковом воздействии одних онимических знаков на другие, что позволяет признать ее одним из отношений интерсемиотического характера³³.

6. Глобальный онимический текст

Заслуживает внимания вопрос причин повторного использования одних и тех же названий и достигаемых этим путем целей. О том, что проприальная интертекстуальность отнюдь не ограничивается постмодернистическим периодом, могут свидетельствовать названия крепостей, основанных Александром Македонским (356–323 г. до н. э.). Древние историки утверждают, что существовало не менее 18 городов, носивших имя царя Македонии, причем личной инициативе Александра следует приписать основание семи из них, занимающих верхние позиции в списке³⁴:

1. *Александрия* в Египте,
2. *Александрия „Кавказская“* (на территории современного Афганистана),
3. *Александрия* на Оксе (Амударья) (Афганистан),
4. *Александрия* Эсхата (Крайняя), на Яксарте (Сырдарья) (Гаджикистан),
5. *Александрия* Согдийская, на Инде (Пакистан),
6. *Александрия* Оритская, у устья Порали (Пакистан),
7. *Александрия* Сузианская, на Тигре (Ирак),
8. *Александрия* у Исса (Турция),
9. *Александрия* в Опiane (Афганистан),
10. *Александрия* в Ариане (Афганистан),
11. *Александрия* на Латме (Латмосе) (Турция),
12. *Александрия* в Маргиане (Туркмения),
13. *Александрия* на Гифасисе (Индия),
14. *Александрия* в Арахосии (Афганистан),
15. *Александрия* в Кармании (Иран),
16. *Александрия* Профтасия, в Дрангиане (Афганистан),
17. *Александрия* Букефалос (Букефалия) (Пакистан),
18. *Александрополь* (Болгария).

³² М.Н. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992, с. 110–111.

³³ M. Rutkiewicz - Hanczewska, *Genologia onimiczna...*, указ. соч., с. 132.

³⁴ П. ФОР, *Александр Македонский*, Москва 2001, с. 375–376.

На завоеванных территориях Александр вел политику, направленную на создание новой нации (греко-македоно-туземной)³⁵. П. Фор обращает внимание на то, что заложенные Александром и названные его именем города отстояли приблизительно на 350 километров друг от друга, представляя собой „опорные пункты, узлы великой структуры”³⁶. Деятельность Александра Македонского обычно оценивается в категориях новой формы колонизации. Как кажется, она частично осуществлялась с помощью ойконимов, имеющих основой один проприальный интертекст.

Как было уже сказано, интертекстуальные онимы создавались также в кругу христианской культуры, напр.: *Илья Пророк* → *Ильинская церковь* → *Ильинское* (Вологодская обл.), *святой Никола* → *Никольская церковь* → *Никольская слобода* (Костромская обл.), *Вознесение Господне* → *Вознесенская церковь* → *Вознесенская улица* и *Поперечно-Вознесенская улица* (Казань), *Параскева Пятница* → *церковь Параскевы Пятницы* → *Пятницкий мост* (Вологда), *Иоаким и Анна* → *церковь Иоакима и Анны* → *Якиманская Слобода* (Владимирская обл., Муромский р-н), *Рождество Богородицы* → *церковь Рождества Богородицы* → *Рождественское* (Кировская обл.). В этой связи следует заметить, что путем переноса имен святых, агонимов и названий христианских праздников на другие десигнаты (местности, топографические объекты, улицы, площади) в прошлом совершалась сакрализация смежных с церковью территорий³⁷.

Как известно, в послереволюционные годы в СССР проводилась кампания по массовому уничтожению объектов религиозного культа. В 1914 г. в Российской империи насчитывалось 54 174 православных храма (без учета военных церквей), 25 593 часовни, 1025 монастырей. В 1987 г. в СССР оставалось 6 893 действующих храма и 15 монастырей³⁸. Культурные сооружения были либо уничтожены, либо приспособлены под склады, производственные цехи, спортивные залы, музеи, дома культуры, столовые и т. п. Из приведенных данных однозначно следует, что после 1917 г. Россия лишилась десятков тысяч великолепных памятников истории и архитектуры. В свете рассматриваемой нами проблематики целесообразно подчеркнуть еще один аспект этих утрат. Храмы представляют собой узловое элементы сакрального пространства³⁹.

³⁵ K. Nawotka, *Aleksander Macedoński*, Wrocław 2004, с. 358–362, 466–472, 510–512.

³⁶ П. Фор, указ. соч., с. 365.

³⁷ M. Rutkiewicz-Hanczewska, *Sakralny wymiar intertekstualizacji propriальной*, [в:] *Język religijny dawniej i dziś, III*, red. P. Bortkiewicz, S. Mikołajczak, M. Rybka, Poznań 2007, с. 434.

³⁸ Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_храмов_упразднённых_советской_властью (20.08.2015).

³⁹ Подробнее об этом см.: E. Klіma, *Przestrzeń religijna miasta*, Łódź 2011, с. 91–155.

Вместе с упразднением культовых сооружений из употребления вышли также их названия и мотивированные ими названия соседних объектов. Так, московская улица *Знаменка*, получившая название по *церкви Знамения Пресвятой Богородицы*, закрытой после революции и снесенной в 1931 г., в 1918–1925 гг. называлась *Краснознаменной улицей*, а затем была еще один раз переименована в *улицу Фрунзе*. В свою очередь, упраздненная церковь во имя *иконы Божией Матери „Знамение“* в Тамбове располагалась на пересечении улиц *Знаменской* и *Долгой*, которые в советское время стали именоваться соответственно *Октябрьской* и *Карла Маркса*. В дореволюционный период в Российской империи была создана сеть приходских, кладбищенских, монастырских и других церквей и часовен. Упразднение большинства из них повлекло за собой радикальное изменение социально-пространственной структуры городов и разрушение семиотического каркаса культуры, а заодно и глобального онимического текста, основанного на сакральной лексике⁴⁰.

Мена географических и внутригородских названий в послереволюционные годы имела искусственный характер. Она напоминала семиотическую реформу. Новые названия должны были символизировать начало нового этапа истории России. Переименования трактовались как естественное следствие революции. После 1917 года был преднамеренно создан своеобразный проприальный интертекст, мотивирующий многочисленные новые ойконимы, ср.: *Сталинская область – город Жданов – Молотовский район; Кирово село – Энгельский район; Кировград – Свердловская область; Калининское село – Марковский район; Ленинское село – Энгельский район; Держинского поселок – Ленинградская область*. В основах послереволюционных топонимов засвидетельствованы фамилии и псевдонимы многих коммунистических деятелей и активистов.

Несмотря на возвращение в постсоветский период некоторым населенным пунктам на территории Российской Федерации дореволюционных названий, до сих пор можно говорить о высокой степени сохранности идеологического интертекста, ср. развернутые системы

⁴⁰ По нашим подсчетам, произведенным на основании упоминаемого ранее интернетного списка (см. ссылка 32), после 1917 г. в СССР были упразднены церкви, носившие следующие названия (в скобках указано число одноименных объектов): *Троицы* (75), *Никола Чудотворца* (66), *Успения Пресвятой Богородицы* (57), *Покрова Пресвятой Богородицы* (46), *Воскресения Христова* (42), *Преображения Господня* (40), *Рождества Богородицы* (38), *Казанской Иконы Божией Матери* (36), *Вознесения Господня* (33), *Рождества Христова* (31), *Иоанна Предтечи* (31), *Александра Невского* (31), *Спаса* (30), *Благовещения Пресвятой Богородицы* (30), *Петра и Павла* (24), *Воздвижения Креста Господня* (23), *Ильи Пророка* (22) и др. Представленные статистические данные отражают масштабы утрат.

ойконимов, имеющих источником псевдонимы *Ленин* или *Киров*⁴¹ (в скобках указано число референтов⁴²):

Ленин (179)	Киров (82)
→ Ленинский (47)	→ Кировский (22)
→ Ленино (30)	→ Кирово (21)
→ Ленинское (18)	→ Киров (8)
→ Ленинский хутор (13)	→ Кировское (7)
→ Ленина хутор (12)	→ Кировский район (5)
→ Ленинка (12)	→ Кировск (4)
→ Ленина посёлок (6)	→ Кировка (3)
→ Ленинск (5)	→ Кировец (2)
→ Ленинградский посёлок (4)	→ Кирова поселок (2)
→ Ленинский район (4)	→ Кирова хутор (2)
→ Ленинск-Кузнецкий (3)	→ Кировская (2)
→ Ленинаул (2)	→ Кировский хутор (1)
→ Ленинская Искра (2)	→ Кировград (1)
→ Ленинская Слобода (2)	→ Кирово-Чепецк (1)
→ Ленинский Путь (2)	→ Кироваул (1)
→ Ленинкент (2)	
→ Ленинец (1)	
→ Ленинградский Шлюз (1)	
→ Лениногорский район (1)	
→ Ленинакан (1)	
→ Ленинградская область (1)	
→ Ленинградский район (1)	
→ Ленино-Кокучкино (1)	
→ Ленино-Ульяновская (1)	
→ Ленинодар (1)	
→ Лениногорск (1)	
→ Ленинградская станица (1)	
→ Ленинский Уголок (1)	
→ Ленинаван (1)	
→ Ленинское Возрождение (1)	
→ Ленин-Буляк (1)	

Как известно, ойконимы и урбанонимы выполняют функцию носителей культурно-исторической памяти. Введение новых названий,

⁴¹ Аналогичный перечень, отражающий состояние советской топонимии в 80-е годы прошлого века, включает 277 названий населенных пунктов в честь В.И. Ленина и 150 в честь С.М. Кирова, см. А.Д. Дулиценко, *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития*, „Przegląd Rusycystyczny” 1995, z. 3-4, с. 200-201.

⁴² Нами использовался алфавитный список местностей России, размещенный на сайте: <http://www.tury.ru/resort/list.php> (20.08.2015).

мотивированных идеологически окрашенной лексикой, являлось попыткой замены прежних представлений, связанных с именуемыми с их помощью объектами, актуальным содержанием⁴³. Данные названия использовались в качестве орудия внедрения новой системы ценностей, легитимации советской власти, поляризации общественного мировоззрения вокруг марксистско-ленинской идеологии, формирования новой коллективной идентичности проживающих в них общностей.

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть, что ойконимы играют роль существенного средства организации территорий и укрепления установленного на них строя. Вполне обоснованным кажется утверждение об осуществлении власти посредством интертекстуальных ойконимов и других географических названий. Ярким примером того, что механизм управления пространством и заселяющим его населением путем введения идеологически обремененных онимов остается активным, могут служить судьбы названия города, основанного Александром Македонским в 329 г. до н. э. на р. Сырдарья. Первоначальное название *Александрия Эсхата (Крайняя)* выражало неограниченную личную власть царя Александра над местностью, в которой этот город был воздвигнут. В VIII в. город был захвачен арабами и стал именоваться *Ходжент (Худжант, Худжанд)*. В состав Российской империи он вошел в 1866 г. В 1936 г. город был переименован в *Ленинабад* в честь В.И. Ленина. Естественно, новое название выражало идеологическую подчиненность Центральной Азии и одного из древнейших городов на ее территории советской власти, а также принадлежность местного населения к единому общесоветскому культурному кругу. Возврат к историческому, персидскому по происхождению, названию *Худжанд* имел место в феврале 1991 г., накануне распада СССР, за несколько месяцев до объявления независимости Республикой Таджикистан. Как видно, на протяжении веков осуществлялся принцип: „Чья власть, того и географические названия, в частности ойконимы и урбанонимы“.

Библиография

А р у т ю н о в а Н.Д., *Речеведческие акты в зеркале чужой речи*, [в:] *Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис*, ред. Т.В. Булыгина, Москва 1992, с. 40–42.

Б а ж е н о в а Е.А., *Научный текст в аспекте политекстуальности*, Пермь 2001.

⁴³ Данная проблематика затрагивается также в статье: J. R i e g e r, *The Main Stages in the Development of Russian Place Names*, „Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes“ 1995, vol. XXXVII, no. 3–4, с. 461–466.

- Барт Р., *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Москва 1989.
- Бахтин М.М., *Проблема речевых жанров*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, т. 5: *Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Москва 1997, с. 159–206.
- Дуличенко А.Д., *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития*, „Przegląd Rusycystyczny” 1995, z. 3–4, с. 189–204.
- Кожин А.А., „Чужое” имя и „чужой” персонаж в литературе второй половины XIX века, „Русская речь” 2014, № 4, с. 14–24.
- Кузьмина Н.А., *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург–Омск 1999.
- Кузьмина Н.А., *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*, Омск 2011.
- Кухаренко В.А., *Интерпретация текста*, Москва 1988.
- Лотман М.Н., *Культура и взрыв*, Москва 1992.
- Успенский Б.А., *Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России)*, [в:] его же, *Историко-филологические очерки*, Москва 2004, с. 9–26.
- Фатеева Н.А., *Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности*, Москва 2007.
- Фор П., *Александр Македонский*, Москва 2001.
- Чернявская В.Е., *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*, Санкт-Петербург 1999.
- Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_храмов,_упразднённых_советской_властью (20.08.2015).
- Электронный ресурс: <http://www.tury.ru/resort/list.php> (20.08.2015).
- Ямпольский М.Б., *Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф*, Москва 1993.
- Beaugrande de R.-A., Dressler W.U., *Wstęp do lingwistyki tekstu*, Warszawa 1990.
- Bartmiński J., *Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej*, [в:] *Tekst. Problemy teoretyczne*, red. J. Bartmiński, B. Boniecka, Lublin 1998, с. 9–25.
- Czapinska W., *Magiczne miejsca literackiej Europy*, Warszawa 2002.
- Dobrzyńska T., *Tekst – całościowy komunikat*, [в:] *Encyklopedia kultury XX wieku. Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Wrocław 1993, с. 283–304.
- Genette G., *Palimpsesty. Literatura drugiego stopnia*, Gdańsk 2014.
- Klima E., *Przestrzeń religijna miasta*, Łódź 2011.
- Kristeva J., *Sémiotiké. Recherches pour une sémanalyse*, Paris 1969.
- Nawotka K., *Aleksander Macedoński*, Wrocław 2004.
- Rieger J., „Nowe” i „stare” w rosyjskich nazwach miejscowości po Rewolucji Październikowej, „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Językoznawstwo” 1991, t. XIII, с. 267–270.
- Rieger J., *The Main Stages in the Development of Russian Place Names*, “Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes” 1995, vol. XXXVII, no. 3–4, с. 461–466.

- Rutkiewicz - Hanczewska M., *Sakralny wymiar intertekstualizacji propraialnej*, [B:] *Język religijny dawniej i dziś, III*, red. P. Bortkiewicz, S. Mikołajczak, M. Rybka, Poznań 2007, c. 431-441.
- Rutkiewicz - Hanczewska M., *Genologia onimiczna. Nazwa własna w płaszczyźnie motywacyjno-komunikacyjnej*, Poznań 2013.
- Sosnowski J., *Toponimia rosyjska XVI wieku. Nazwy wsi*, Łódź 2002.
- Wierzbicka A., *Genry mowy*, [B:] *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska, E. Janus, Wrocław 1983, c. 125-137.
- Witosz B., *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*, Katowice 2005.
- Zierhofferowa Z., *Nazwy typu „Osiek Mały”, „Kozminek” i inne derywowane od nazw miejscowych. Na przykładzie materiału dawnego województwa kaliskiego*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1989.

